

Научная статья

DOI: 10.17748/2686-8814-2023-5-3-4-30-68

УДК 94/ 355.48(47:55),908

**«...И Я БОЛЬШЕ ТАК ЖИТЬ, КАК ЖИЛА, НЕ МОГУ»:
ПЕРЕПИСКА Н.Н. ПЛАТОНОВОЙ
С ПЛЕМЯННИЦЕЙ ЕЛЕНОЙ (1912-1923)****Виктор Владимирович Митрофанов**

Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС

Санкт-Петербург, Россия

ORCID iD: <http://orcid.org/0000-0003-2094-6883>

viktor-n1962@mail.ru

Аннотация. Жизнь старшей дочери Шамониных Елены летом 1912 г. резко меняется, она, много лет готовясь к монастырскому служению, уходит в послушницы. Начинается новый период её жизни. После небольшого перерыва возобновляется её переписка с любимой тётёй Н.Н. Платоновой. Письма позволяют судить о вживании Елены в монастырский быт, после 5-летнего послушничества она принимает монашеский постриг – рясофор. Резко изменявшиеся политические условия в стране привели к смене отношения власти к церкви, как институту. Начинаются гонения, монастыри закрываются, насельникам приходится подстраиваться под меняющееся законодательство и организовывать сельскохозяйственную артель, которую вскоре разгоняют.

Большое место в письмах занимают проблемы семьи, судьбы братьев и сестёр Елены, которые складываются по-разному, как и бывает в годы потрясений. Её мать переживает за всех, принимая близко к сердцу все изменения с детьми.

Немало малоизвестных фактов приведены и о семье Платоновых. Надежда Николаевна предстает заботливой матерью для своих детей, но её беспокоит и доставляющая немало хлопот судьба племянников – детей рано ушедшего из жизни брата.

Ключевые слова: Н.Н. Платонова, Е.В. Шамонина, послушничество, постриг, рясофор, монастырь, племянники.

Для цитирования: Митрофанов В.В. «...И я больше так жить, как жила, не могу»: переписка Н.Н. Платоновой с племянницей Еленой (1912-1923) // Культурный ландшафт регионов 2023. Том 5. № 3-4. С. 30-68
DOI: 10.17748/2686-8814-2023-5-3-4-30-68

Original article

"... AND I CAN'T LIVE THE WAY I USED TO LIVE ANYMORE": CORRESPONDENCE OF N.N. PLATONOVA WITH HER NIECE ELENA (1912-1923)

Viktor V. Mitrofanov

University at the Inter-Parliamentary Assembly of the EurAsEC.

Saint Peetersburg, Russian Federation

ORCID iD: <http://orcid.org/0000-0003-2094-6883>

viktor-n1962@mail.ru

Abstract: The life of the eldest daughter of the Shamonins, Elena, changes dramatically in the summer of 1912, she, having been preparing for monastic service for many years, goes into novitiate. A new period of her life begins. After a short break, her correspondence with her beloved aunt N.N. Platonova resumes. The letters allow us to judge Elena's getting used to monastic life, after a 5-year novitiate, she takes vows – ryasophor. The dramatically changed political conditions in the country led to a change in the attitude of the new government to the church as an institution. Persecution begins, monasteries are closed, residents have to adapt to changing legislation and organize an agricultural artel, which is soon dispersed.

A large place in the letters is occupied by family problems, the fate of Elena's brothers and sisters, which develop in different ways, as it happens in years of upheaval.

A lot of little-known facts are also given about the Platonov family. Nadezhda Nikolaevna appears to be a caring mother for her children, but she is also concerned about the troublesome fate of the nephews of her brother who died early.

Keywords: N.N. Platonova, E.V. Shamonina, novitiate, tonsure, ryafofor, monastery, nephews.

For citation: Mitrofanov V.V. "... And i can't live the way i used to live anymore": correspondence of N.N. Platonova with her niece Elena (1912-1923). *Cultural landscape of the regions*. 2023. Vol. 5. №3-4. P. 30-68 (In Russ.).
DOI: 10.17748/2686-8814-2023-5-3-4-30-68

Введение

Большая семья нижегородской ветви Шамониных начинает разъезжаться. Первым покинул родной дом (съёмную квартиру), поступив в Морской Корпус в Петербурге, старший из сыновей Юрий. Елена, получив неплохое педагогическое образование в Мариинском институте благородных девиц, поступает на Московские высшие женские курсы¹, после смерти отца их оставляет и служит в родном институте. Она понимает свою ответственность за младших и помогает матери материально в нелегкой ситуации, сделав для себя уже выбор в дальнейшей жизни.

Последнее письмо из дома на имя Н.Н. Платоновой Елена написала 20 июля, где сообщила о завершении своих дел в институте и увольнении. Из его содержания становится понятным, как письма тётки вернулись к ней назад и поэтому остались целыми. Они и сочинения Достоевского – память об отце, были отправлены в Петербург на хранение. Испрашивая благословления Господа на будущее, Елена, оглядываясь назад, понимает, какую помощь оказывала тётка её семье, сколько она пережила тревог и волнений за судьбу племянников – детей рано умершего брата Владимира [1].

Уход Елены в монастырь и начало послушничества

Итак, много лет готовясь, Елена летом 1912 г. порывает с миром и уходит в монашескую обитель. «Вот оно и свершилось: Еленочка уехала от нас совсем 2-го, сначала в Голутвин, а потом на приготовленное ей место в Головин монастырь» [2, с. 255], - сообщала её мать Н. Н. Платоновой 12 августа.

А началось всё после смерти отца и оставления курсов. По предположению Н.А. Пакшиной, такие изменения «по всей видимости сказались... на её душевном состоянии» [3, с. 163]. По свидетельству же самой Елены, именно «события 1905-1906 годов, так страшно перевернувшие столько умов, сбившие с толку многих, казалось бы, и не слабых голов» [4], оказали влияние на её несформировавшееся мировоззрение».

И вот в 1907 г. она впервые оказалась в Оптиной, где и увидела батюшку о. Варсонофия, ставшим ей духовным наставником. Потом были ежегодные поездки в эту обитель, беседы с ним.

Попытки высказать сомнения, отговорить от уже решенного шага, предпринимали мать, тетки по отцу Зинаида Николаевна, Софья Николаевна и любимая Надежда Николаевна. В ответе последней от 6 января 1912 г. из Оптиной пустыни,

¹ Хотя в «Списках лиц, окончивших, выбывших или подававших прошения о приёме на Московские высшие женские курсы: 1900-1918 гг.» фамилии её нет (pomnirod.ru).

читаем: здесь «*среди кажущейся суровой обстановки поста, долгих служб, черных одеяний*» Елена находит «*главное – любви много, бескорыстной, христианской*». Здесь она видит свой смысл жизни, успокоение для себя. А ей уже шёл 27 год.

Не найдя поддержки своему стремлению, Елена, не зная, как теперь будут относиться к ней, перестала общаться с родными, даже с матерью и Н.Н. Платоновой, что вызывало их беспокойство. Первое письмо домой было отправлено только в августе, о чем с радостью было сообщено в Петербург: «Еленочка не радуется, что попала в свою сферу. Последний раз она писала, что занята в аптеке, теперь уже, вероятно, начались занятия в школе, но ей, должно быть, ещё некогда написать» [2, с. 255]. Затем было письмо 4 октября, хотя письма приходили и редко, они доставляли матери радость, которой она делилась со своей золовкой. Так, 30 октября она сообщала Н.Н. Платоновой: «Еленочка редко мне пишет, но ей очень нравится её деятельность и, по её словам, наконец исполнилась мечта всей жизни, с самого детства. Занята она целый день. Пишет ли она тебе, Надя?» [2, с. 256]. А очередное письмо было получено только 15 декабря: «От Еленочки, наконец, получила вчера письмо: ей некогда писать» [2, с. 257].

Возобновляется переписка и с тётёй Надей, Елена 27 декабря отвечает на её письмо, привезённое в монастырь Юрием еще в начале августа, когда он был в Москве проездом из Петербурга в Нижний Новгород и встретился с сестрой между поездами. Письма из Питера шли регулярно, но, вероятно, не сохранились в период изгнания сестёр из монастыря.

Таким образом, становится понятным душевное и физическое состояние Елены в первые месяцы вживания в монастырский ритм, привыкание к своим послушническим обязанностям, которые она несла в небольшой больничке, аптеке и ухаживала за лежачими по кельям сестрами. Кроме того, поддержание чистоты и уборка в помещениях и другие сопутствующие дела занимали весь день, а порой и ночь. Для монашенки жизнь в монастыре – «*сплошной труд*», так подытожила Елена начало своего служения.

Большой перерыв в переписке объясняется утратой писем, так как имеются упоминания о полученных, например, в ноябре 1916 г. В этом же месяце Елена дважды бывала на квартире своего дяди Сережи, проживавшего в Москве. Об этом она сообщает тете, описывая ход его тяжёлой болезни, и на её фоне трудных отношениях его с женой, бытовых условиях семьи. С учётом лаконичных сведений, имеющих в дневнике Н.Н. Платоновой о брате [5, 241, 255, 259], факты, сообщённые Еленой о последних его днях, имеют важное значение для старшей сестры. А уже 25 ноября он умер от паралича сердца. Через 4 месяца уйдёт из жизни и последний (третий) брат Николай. Позже, об этом также есть упоминание в письмах, в 1921 г. умерла младшая из сестер Надежды Николаевны – Софья. И

от большой семьи останется только две сестры. Неприятные сведения были сообщены о тёте Зине, её финансовых трудностях и упадке гимназии.

Постриг монашеский - рясофор

Как о большом празднике в коротеньком письмеце от 2 декабря 1916 г. сообщается о готовности Елены к пострижению в рясофор - малый постриг, который должен свершиться в ночь с 9 на 10 число. С этого времени начинается второй этап жизни теперь уже монахини Евфимии. Хотя, последующие письма всегда подписывались именем Елена. К этому времени (с 12 ноября 1916 г.) относится и появление примечательной детали в письмах – сверху страницы ставился небольшой крестик +.

История монастыря, где приняла послушание, а затем и постриг Елена, была подробно рассмотрена еще в дореволюционный период [6; 7]. Часто появлялись публикации в журналах и газетах. Привлекает внимание его история и сегодня [8]. Поэтому эту часть мы не затрагиваем.

Публикуемые письма одной из насельниц обители является важным свидетельством её функционирования. Оно зафиксировано и пропущено через личное восприятие участника тех событий. В приложении помещены 3 письма Надежды Николаевны за 1912 г., адресованных племяннице, они последние из выявленных или сохранившихся. Основной массив писем принадлежат Елене за этот год их 6: за 1916 г. – 3, 1917- 6, 1918-1, 1921-2, 1922-1, 1923-1. Как видим, активностью отличаются всего два года, имеются и перерывы. Письма охватывают трудное в истории государства время: Первая мировая война, революции и Гражданской войны.

Продолжает волновать Елену судьба брата Юрия, учившегося в Морском Корпусе. В 1912 г. нелады с поведением и дисциплиной привели к постановке вопроса о его исключении. Юра вновь стал в центре переживаний, так как был арестован в 1917 г. в Кронштадте. 6 апреля Н.Н. Платонова сделала такую запись в дневнике: «Наш Юра тоже три недели высидел в тюрьме. Мы с Наташей ездили в Кр[оншта]дт 9-го марта, не добились свидания с Юрой» [5, с. 280]. 23 числа он по требованию депутации с его миноносца был освобождён. Именно об этом Елена пишет в письме от 18 марта.

Заботит её и успеваемость младшей сестры Кати, учившейся в Нижегородском Мариинском институте благородных девиц. Хотя, полной информации у неё не было. Об этом подробно с материнской болью писала мать Н.Н. Платоновой.

Из ответных писем из Петербурга узнаем о семейных новостях, это тем более важно, что других источников об этом времени нет, а в дневнике имеется большой перерыв с 1905 по 1914 г. Волнения и переживания были, прежде всего, связаны с отъездом замужней дочери Веры к месту службы мужа Николая Шамонина на Дальний Восток во Владивосток. У второй дочери Надежды муж Борис Константинович сдавал экзамены. Среди значимых новостей – перевод брата Николая

Николаевича, бывшего директором Костромской гимназии на равнозначную должность в Рязань, при этом о новом назначении он узнал случайно [9, с. 174]. Для З.Н. Шамониной благополучно завершилась эпопея с выделением кредита на помещение для гимназии. Сообщается о планах Сергея Федоровича участвовать на церковно-археологических курсах в Твери [10], о сборах в Ялту на летний отдых, куда приглашает и племянницу.

Из Крыма в 1912 г. Надежда Николаевна послала 2 письма: описан дом, в котором они поселились, намеченных экскурсиях, времяпрепровождении: прогулках, верховой езде для детей, аренде пианино, записи в библиотеку.

Много лет спустя состоялась встреча в Петрограде, куда Елена приезжала в июле 1917 г. Это было секретом, который был скрыт даже от матери.

Становится известна одна важная черта характера Сергея Фёдоровича – не-любовь к монахам. Вероятно, такое мнение сложилось у Елены из её наблюдений, но трудно сказать, когда и что дало основание для такого вывода. Хотя, другие сведения не позволяют согласиться с ним. Следует вспомнить его участие в судьбе Ольгинского монастыря на истоке Волги и обширная переписка по его финансовым вопросам с игуменьей Верой [11]. Его же многолетняя переписка с бывшей слушательницей в Женском педагогическом институте Л. Михайловой, принявшей также постриг [12, с. 178], говорит об обратном.

Монастырское послушание, хотя и было напряжённым, но творческая натура Елены требовала и новых ощущений. Она продолжает обращаться к литературе, её интересует творчество выдающегося религиозного философа В. Соловьёва. Она искала его книгу «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об антихристе». Заметим, что эта работа стоит в центре внимания и современных исследователей [13]. Привлекла её и драма «Царь Иудейский», вышедшая из-под пера великого князя К.К. Романова, под руководством которого С.Ф. Платонов служил директором Женского педагогического института в 1903-1915 гг. Примечательно, что произведение посвящено П.Е. Кеппену, богатым жизненным опытом которого воспользовался автор в пору избрания его Президентом АН. А читать Елена любила. Н.А. Пакшина приводит сведения из дневников некоторых однокурсников тринадцатилетней Елены: «массу всего читала по-французски, перечитала чуть ли не всего Белинского» [3, с. 162]. В «Воспоминаниях о бабушке» (Варсонофии) она записала: «Долго кидалась я от человека к человеку, от книги к книге, от Толстого к Бебелю, от обоих вместе — к епископу Феофану, от него — к писателям, пытавшимся совместить самые ужасные разрушительные идеи с Евангелием». И это в 19 лет! А в 21 год по совету о. Варсонофия она прочла книгу о творениях аввы Доротея, которая способствовала появлению особого ощущения: «что-то новое зажило в душе» [4], потом многочасовой разговор, по сути, исповедь с известным подвижником. Это и было началом пути к монашеству.

Сельскохозяйственная артель и её разгон

Новая жизнь насельниц монастыря началась с 1917 г. с установлением новой власти и связанной с этим политики в отношении к церкви и монастырям [14]. И.Б. Орлов проследил порядок выхода нормативно-правовых документов правительства, касающихся церковного имущества и монастырей [15]. Чтобы защитить монастырь от закрытия, на его базе была создана «артель». Такая мера была широко распространена в период начала гонений на церковь после известных решений советских властей. Из Волго-Верховского монастыря в это время Платоновы получали достоверную информацию от Л.А. Михайловой [16].

Циркуляр Наркоматов юстиции и земледелия от 30 октября 1919 г. предписывал земельным отделам не регистрировать сельскохозяйственные коммуны, состоящие из монахов, и не давать им в обработку бывшей монастырской земли. К концу 1920 г. у РПЦ было отобрано более 6 тыс. храмов и монастырей. Кроме того, правительство начинает кампанию по изъятию у церкви ценностей. Так, в Говинском монастыре 6 апреля 1922 г. было изъято 9 пудов 1 фунт 24 золотника серебра [15].

Территория монастыря была передана санаторию. Но монашеская община ещё сохраняется. Елена – одна из хорошо образованных монахинь – представляет её интересы в советских учреждениях. Нужно было подстраиваться под постоянно изменяющееся законодательство и проводить новую реорганизацию. Осенью 1922 г. была создана сельскохозяйственная артель. Елена вошла в её совет. Таким образом, монастыри, желая сохранить свою жизнь, вынуждены были бороться всеми законными средствами. Монахини и послушницы были, как правило, без средств к существованию, дома, семьи, поэтому идти им было некуда. В 1923 г. по распоряжению Президиума Краснопресненского райсовета была создана специальная комиссия в составе председателей МОЗО, ОТСОБЕСА и др. по ликвидации земледельческой артели монахинь Головинского монастыря [18]. Об этом как раз Елена и пишет 8/26 апреля этого же года, где высказаны опасения и тревоги за будущее. Упование только на Бога.

Совершенно новая черта появилась в мировоззрении Елены – она привыкает к новому чувству - спокойному восприятию смерти. Результат 10 лет жизни в монастыре, молитвы, окружающие сестры – все это постепенно входило в её сознание. Мысль подкреплена была серьёзной болезнью осенью 1921 г. Новые веяния проявляются в орфографии написании писем, которая была принята в новых условиях.

Кардинальные изменения затронули не только страну, монастырь, но и семью Шамониных. Узнаём важную информацию о младших братьях Елены – Владимире и Андрее, вставших по разные стороны баррикад. Юра покинул Родину и перебрался за границу. Катя служит в советском учреждении. А в Нижнем голод и холод в прямом смысле слова, так как *«топят печь старыми стульями»*.

Следовательно, изменения судьбоносного характера произошли с членами семьи Шамониных. Елена своё будущее связывает с сестрами, теперь уже бывшего монастыря, она пытается защищать право на своё существование в том мире, в котором живёт уже 11 лет, где должно быть место и таким как они - монахиням.

Выводы

Таким образом, письма Елены – важный систематический источник о её втором периоде жизни, связанном с Головинским монастырём. Здесь она прошла этап послушничества, через 5 лет делает новый шаг – принимает постриг. Она вжилась в монастырскую систему, хотя подробностей именно специфической стороны (службы, распорядок дня, выполнение уставных требований) в письмах очень мало. Её переписка с тётёй позволяет узнать и малоизвестные факты жизни её семьи, горечи утрат. Немаловажные, хотя и отрывочные, сведения получаем о родных братьях и сестрах Елены, судьба которых складывается по-разному. Юра, как царский офицер, пострадавший ещё при Временном правительстве (переживший трехнедельный тюремный срок), позже вынужден был перебраться за границу. Катя поступает на советскую службу. Подробностей о маме у Елены почти нет, причиной тому редкое письменное общение. Но об этом мы узнаем из другого эпистолярного источника – писем Софьи Николаевны к Н.Н. Платоновой за эти же годы [2].

Родившись в дворянской семье, пусть и уже не имевшей состояния, получившей педагогическое образование, работавшей в институте, Елена выбирает иной путь. Кстати, это было не редкостью, когда искания приводили молодых, образованных девушек к уходу из мира суеты. На примере детей Шамониных прослеживается выбор разных жизненных путей, порой противоречивых.

Дальнейшая судьба Елены до 1928 г. будет предметом следующей статьи.

Нумерация писем сплошная с учётом предыдущей публикации.

ПРИЛОЖЕНИЕ.**Письма Е. В. Шамониной к Н.Н. Платоновой (1912-1923 гг.)****№34**

Оптина. 6/ I [19]12 г.

Милая и дорогая тётчка!

Бесконечное спасибо тебе за твоё письмо. Не отвечала я так долго потому, что мне хотелось с мыслями собраться, ведь и ты мне писала, чтобы я на досуге вдумалась в сказанное тобой. Письмо твоё не всегда справедливо: ты называешь меня одинокой, приди оно в Нижний, я бы вполне согласилась с этим, но не здесь. Именно тут-то я и не одинока, только тут я и отдыхаю от постоянного осуждения своей личности в раковинке. И если бы ты знала, как легко дышится здесь, среди кажущейся суровой обстановки поста, долгих служб, черных одеяний. Сколько света, сколько ласки. И удивительно: люди ушли от мира с его ежедневностью. Но как умеют они откликнуться на всякую тоску или беду нас, мирян. И какая свобода, свобода духа при полном подчинении своей воли воле другого лица. Главное – любви много, бескорыстной, христианской. Бескорыстной, п[отому] ч[то] знаю не одну дух[овную] дочку моего батюшки, которая от него получает «нечто» на обратный путь, чтобы не возвращаться по шпалам в Москву. Петербург, Тамбов или ещё в какой-ниб[удь] город. Ну, да будет! Мне ещё 2 дня осталось здесь пробыть, и я уже сегодня чуточку поплакала при мысли об отъезде.

- Да ничего не поделаешь!

Так вот, я вовсе не одинока, пока я в Оптиной, особенно. А обрадовало меня твоё письмо оттого, что стало одним врагом в перспективе меньше – и это много значит. Что касается до моих моск[овских] знакомых, то на них и надежды быть не может, да и я не захочу такого рода перемены жизни. Я вовсе не могу сказать, что именно в моей семье так трудно. Нет, где бы я ни была, как самостоятельная работница, я всё буду терзаться муками совести и не уважения к себе. Кроме того, публицист[ическую] деятельность, да ещё на дух[овно]-нравств[енные] темы, да для народа – это великое дело, дело учительства. А кто я, чтобы учить других? Особенно при моих постоянных исканиях, недоумениях, при сознании своей духовной немощи, как я возьмусь учить других? Да мне уж разговоры с детьми в ин[ститу]те часто непосильны по той ответственности, которую они на меня налагают: «того согрей, тем пищу дай, и всех при том благословляй», впрочем, часто и побранить, и отчитать, а не благословлять приходится. Так здесь – дети, для них моего опыта и знаний пока хватает, для взрослых публицистики нужно много больше. А главное, я, сознавая своё полное бессилие управиться самой со своей распущенной, часто слабовольной особой, хочу самое себя в ученье отдать, а не

начинать учить других. Когда это удастся – Бог один знает¹, но я счастлива, что когда это, наконец, исполнится, хоть одна из моих родных не осудит меня и не станет мне мешать. Вот за это-то большое тебе спасибо. Боюсь только, что мои письма слишком огорчают тебя, пожалуй, не стану больше писать. Скоро буду проездом в Москве. У т. Зины не буду почти, наверное, я что-то боюсь, чтобы не было разговоров (и неприятных) о деньгах. У Краевичей сомневаюсь быть ли: во 1) забыла их адрес, но это-то поправимо, т. к. я приблизительно дорогу помню. А главное, боюсь помешать учебным занятиям Бор[иса] К[онстантинови]ча. Передай всем твоим мой привет. Желая всего лучшего в новом году. Крепко целую. Ещё раз спасибо.

Е.Ш.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.2. Д. 6097. Л.34-36 об.

№35

Милая тётя Надя!

Вот опять пишу – и опять по неприятному делу. Сегодня мама получила бумагу об Юриной истории. Там сказано, что окончательное решение его участи отложено до весенней конференции, но что, если мама пожелает, она может его взять на своё попечение до конференции, тогда ему разрешат держать экзамены с товарищами для получения аттестата. Т. к. Юра писал заранее об этой истории и о том, что он лишён погон, и предупреждал, что мама должна заранее получить это извещение, я не очень испугалась. Юра писал, что всё теперь зависит от его дальнейшего поведения вплоть до конференции. Но ведь для того, чтобы загладить вину, надо остаться в корпусе до конференции. Корпусной пишет маме, что Юра спрашивал его, может ли он теперь своим поведением загладить проступок и остаться в Корп[усе]. «Я ему мог только обещать, что, если замечу в нём улучшение, буду ходатайствовать за него перед Советом, но это ходатайство может и не быть уважено».

Первая мысль была: пока нечего предпринимать, т.к. до Совета ещё есть надежда. Авось, его оставят в Корпусе; подождав Совета, мы ничего не теряем, а вдруг он мог бы остаться там, а мы поспешим его взять. Но вот сейчас пришло в голову: а ну, как мы много теряем? Если его по постановлению Совета исключат, т[а]к, пожалуй, не дадут сдать экзамены, и он останется без аттестата? Может эта отсрочка и даётся для того, чтобы его взяли добровольно, что связано с меньшими неприятностями для дальнейшего? Есть ли надежда на его не исключение? Или надо спешить взять его добровольно? Не знаешь ли ты всего этого? Или не можешь ли узнать? Думаю, что мама будет тебе писать, т.к. она страшно подавлена, но я просто боюсь подать ей мысль, что Юру надо взять сейчас, боюсь сказать,

¹ Далее вставка в предложении замазана чернилами.

что иначе его могут до экзаменов не допустить. Насколько его дела плохи? Что бывает раньше: экзамены или весенняя конференция? Если Ю[ра] сейчас уйдёт, а конф[еренция] не найдёт возможным его оставить в Корп[усе], получит ли он аттестат? Как нарочно, как праздник, так и горе! Если ты что-ниб[удь] знаешь, черкни. М[ожет] б[ыть] лучше на это моё письмо ответить маме, но не подавай тогда вида, что я писала тебе об этом, а напиши от себя! Крепко тебя и сестёр целую.

Е. Шамонина¹.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.2. Д. 6097. Л. 38-39 об.

№36

14 мая 1912 г. СПб.

Дорогая моя Еленочка!

Много раз собиралась я тебе написать – и всё что-нибудь мешало. Прежде всего скажу о Юре: он благополучно ушел в плавание, Ниночка и Миша ездили его провожать. По дороге из Нижнего сюда он потерял мамино письмо ко мне, так что я не знаю, о чём она мне в нём писала; правда, он уверяет, что в нём ничего особенного не было, но ведь на это полагаться трудно; так вот, пожалуйста, попроси маму ещё раз написать мне. Юра что-то упоминал о том, что мама без ужаса не может подумать о переезде на дачу и как будто предпочитает остаться на месте в городе; м[ожет] б[ыть] мама мне об этом напишет. У нас после очень холодной, поздней зимы сразу наступило жаркое лето, так что мы даже страдаем от жары. Верочка и Коля уже передали свою квартиру и переселились к нам со всеми своими вещами, мебелью и т. д. Они уезжают 26-го, билеты уже взяты; у них 2-местное купе Междун[ародного] Общ[ества] в экспрессе без пересадки до Иркутска (6 суток пути от Пб.); в Иркутске пересадка и ещё трое суток пути до Владивостока. Верочка очень жизнерадостна, энергично собирается в далёкий путь, но, в то же время, очень льнёт к нам: конечно, ей очень жутко в первый раз в жизни уехать от нас так далеко. И мне так страшно, страшно отпустить её – и неизвестно, на сколько времени. Ну, да что об этом говорить.

Наденькин муж держит 19-го или 21-го мая последний госуд[арственный] экзамен, и после этого они приедут к нам на 2-3 дня, чтобы проститься с Верочкой и Колей и увезти к себе недели на две погостить в деревню, в Орл[овскую] губ., Ниночку и Наташу. Затем С.Ф. уедет в Тверь (читать лекции на церк[овно]-археол[огическом] съезде), а я с двумя младшими, убрав весь дом, поеду 30 мая в Ялту, причем в Твери к нам сядет в поезд С. Ф. и поедет вместе с нами. Но я все говорю о себе, а как чувствуешь себя ты, моя милая девочка, куда собираешься

¹ Письмо следует датировать концом марта 1912 г. В это время Елена находилась в семье, когда и было получено упомянутое письмо из Корпуса. Об этом же 26 марта писала её мать Н.Н. Платоновой (ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6117. Л. 14.)

летом? Мы непременно поджидаем тебя к себе в Крым. У нас там будет целый дом, хотя и небольшой. Приезжай, посмотри море и горы и вообще южную природу, погрейся на солнышке – я думаю прогреешься лучше, чем в Валуях. И ты писала, и мама упоминала, и даже Юра что-то сказал, что в вашем Институте теперь очень тяжело – приезжай, обо всем поговорим. А как Катини дела? Устроилось ли дело с 5 по физике? Перейдет ли Андрюша во 2-й класс?

Моя Наташа уже осенью курсистка: теперь она додежуривает последние репетиции. Маруся тоже держит экзамены.

Тетя Зина с начала великого поста хлопочет о ссуде в Мин[истерстве] Нар[одного] Пр[освещения] или Мин[истерстве] Фин[ансов] для покупки дома для гимназии. Теперь её дело приняло плохой оборот, так что, вероятно, тетя сама сюда приедет.

Дорогая моя девочка, я думаю тебе очень грустно, что заросла теперь твоя дорога в Пустынь. Соберешься ли ты в Голутвин монастырь?

Всё это время я киплю как в котле: сборы Верочки и Коли, хлопоты с нашим отъездом на юг с экипировкой всех по-южному, экзамены сначала Мишины, теперь Марусины и Наташины и т. п., и все это не прекратится до самого нашего отъезда. Крепко целую тебя, маму и детей. Приезжай же.

Твоя тетя.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.2. Д. 5749. Л.37-38 об.

№37

19/V [19]12 года.

Дорогая тётка!

Большое спасибо за твоё приглашение приехать к вам. Только пока не будем говорить, воспользуюсь ли я им: я сейчас так замучена экзаменами и пр., что ещё некогда было думать хорошенько о том, что произойдёт после рокового 25-го мая – дня выпуска в институте. Ведь только и думается, как Катя кончит – и кончит ли, да ещё о моих девочках-выпускных, к[ото]рым сейчас ужасно трудно в ин[ститу]те – и страшно уходить отсюда. У Кати, кроме 5 по физике, ещё были 6 по педагогике и истории. Годовая 8 покрывает эти 6, но в аттестате, значит, будут все семёрки. Хорошо сошли Зак[он] Бож[ий] и языки (фр[анцузский] -10, нем[ецкий] – 8). Я жду ещё провалов, хотя по математике (экзамен будет 21-го) мама пригласила гимназистку-восьмиклассницу. Вот и жутко. Относительно физики пока говорится, что она получит аттестат «без физики», т. е. там этот предмет будет вычеркнут. Насколько я знаю, такой аттестат на диплом обменять нельзя, и прав он не даёт. Я было думала просить, чтобы ей дали возможность ответить ещё раз, но после других провалов на это язык не повернётся.

Юра правду сказал: за это полугодие я в ин[ституте] насмотрелась на такое море пошлости и неправды людской, столкнулась с такой массой лжи, несправедливости, какой не подозревала в жизни. Если бы это всё касалось меня лично, можно было бы заподозрить меня в пристрастном освещении фактов. Но нет, я только зритель, страдающим лицом являюсь только изредка, да и не я одна, я вместе с другими. Рассказывать тошно, как тошно дышать этой атмосферой. И одна мысль: хоть бы какой-ниб[удь] выход, бежать надо, пока не затянуло это болото. Устала я ужасно, особенно душой. Скорей бы проходила эта неделя! И знаешь, дальше, за 25-м, точно всё темно, и я ещё не знаю, что будет дальше. Вчера послала Верочке свою карточку. Похожа ли она, по-твоему? Ты меня очень удивила, написав их маршрут: я воображала, что до Владивостока около месяца надо ехать; а при такой быстроте словно бы и не так страшно думать о путешествии Верочки. Вот как вечер, у меня голова не хочет работать, и приходится спать ложиться. Много хотела тебе сказать. А сейчас все мысли заснули, днём же вовсе некогда за стол сесть. Будь здорова, тётчка, поцелуй Ниночку и детей. Ещё раз большое спасибо за приглашение и пусть само время покажет, где мне быть летом. Хочу попасть в начале лета в Голутвин, но состоится ли это - не знаю. Дальше у меня пока планов нет. Крепко целую

Е. Шамонина.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.2. Д. 6097. Л. 41-42 об.

№38

17 июня 1912 г. Ялта.

Дорогая Еленочка!

Нас всех очень-очень огорчило известие, что ты не решаешься приехать к нам на лето. Конечно, я могу возражать против предписаний доктора, но пока мы здесь пока не страдаем от жары; здешние старожилы предсказывают, что все лето будет прохладное; дом, в котором мы живем, выстроен из местного камня и обращен на север, так что внутри его всегда прохладно; вокруг нас много зелени, да и живем мы совсем на краю города. С другой стороны, вспомни как на тебя хорошо влияла Валуйская жара: ведь ты прямо говорила, что чувствуешь, будто у тебя внутри все прогрелось – вспомни все это и подумай еще раз: м[ожет] б[ыть] и соберешься сюда. Ведь глаза всегда можно уберечь от сильного света южного солнца, стоит только среди дня не выходить из дома и сада.

У нас все хорошо. Мы все радуемся, что попали на юг; я только боюсь, чтобы дети здесь не соскучились, п[отому] ч[то] у нас здесь почти нет знакомых. Правда мы намерены сделать много интересных экскурсий по Крыму и Кавказскому побережью, так что скучать, пожалуй, будет некогда. Мы гуляем, осматриваем окрестности Ялты, дети купаются, ездят верхом; пианино мы взяли, в библиотеку абонировались.

От Верочки часто получаем известия: ехали они прекрасно, с одной только пересадкой в Иркутске; Верочку совсем очаровала Сибирь, её горы и реки, а особенно Байкал. Конечно, ехать им в конце концов все-таки надоело; последнее письмо Верочки было из Харбина; следующее будет уже из Владивостока, покуда пока мы имеем от них только две телеграммы.

Наденька тоже часто пишет; у них все хорошо; кажется, они все до сих пор не перестают радоваться тому, что Б. К[онстантинови]ч кончил курс.

Я писала маме отсюда – получила ли она моё письмо? Какие вести от Юры? Крепко целую тебя и всех твоих.

Н. Платонова.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.2. Д. 5749. Л.39-40.

№39

8 июля 1912 г. Ялта.

Дорогая Еленочка! Очень, очень жаль, что ты не приедешь к нам это лето; мы все, особенно Ниночка, очень тебя ждали. Ну, что же делать, только бы ты хорошенько поправилась и отдохнула за лето.

У нас все хорошо. Лето в общем стоит очень прохладное, так что мы совсем не страдаем от жары.

Знаешь ли ты, что в начале июня дядя Коля перенес крупозное воспаление легких? Слава Богу, все обошлось благополучно и 25-го июня он с Зиной уехал в Ессентуки. Проездом в Москве он совершенно неожиданно для себя, узнал о своем переводе в Рязань, а рязанского директора в Кострому, причем ни того, ни другого ни одним словом об этом не предупредили. Чем все это вызвано, неизвестно; в Округе дяде сказали, что это новая идея министра: не давать директорам долго засиживаться в одной и той же гимназии. Сам по себе перевод в Рязань едва ли дяде приятен: из Костромы он желал уйти, да и Рязань к Москве вдвое ближе, чем Кострома, но возмутительно отношение к людям, как к пешкам. К 1-му авг[уста] дядя вернется в Кострому, сдаст дела и к 10-му они уже отправятся в Рязань.

Тетя Зина получила из Мин[истер]ства офиц[иальное] уведомление, что ей на покупку дома выдается ссуда в 25 000 р., и так как Кассо обещал ей 40 000 р. и так как 25 000 её не устраивают, то она поехала в П[етер]б[ург] хлопотать о дополнительной ссуде в 15 000 р. Не знаю, что она добьется.

Сегодня получила письмо от твоей мамы: у них все хорошо, только маму, видимо, заботит мысль о том, что будет дальше делать Катя.

Верочка часто пишет. Они понемногу устраиваются.

Что значит в твоём письме фраза: «надеюсь на Вашу любовь, чтобы ни случилось»? Меня она навела на многие размышления.

Крепко целую тебя и от души желаю здоровья, отдыха и душевного мира. Ниночка собирается тебе писать. Все наши шлют тебе привет. Всего хорошего.

Твоя Н. Платонова.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.2. Д. 5749. Л.41-42.

№40

Нижний. 20/ VII [19]12 г.

Дорогая моя, родная моя тётечка!

Приехала я в Нижний, чтобы покончить дела свои, выйти в отставку и уехать. Кончила же Катя курсы, может помочь семье, а я больше ждать не могу. Если это эгоизм, да простят меня за него, я иначе не могу. Переписывала старые письма. Рука не поднимается сжечь твои, пересмотрела их, столько заботы, столько муки и любви в них – бесконечное тебе спасибо. Решила вернуть их тебе. С собой взять немислимо: я не уверена, буду ли иметь отдельное помещение и надо везти поменьше. Здесь оставлять боюсь. Ты же делай с ними, что хочешь. Посылаю тебе и бабушкины письма, т.к. думаю, что тебе они дороже, чем кому бы то ни было. Делай с ними, что найдёшь нужным. Ещё просьба. Сочинения Достоевского мне подарены папой; ты увидишь собственноручные надписи его. С собой взять эти книги мне неудобно. Здесь оставить – растерзают их дети. Ты лучше других поймёшь, почему дороги мне эти книги, эти запачкавшиеся обложки. Так возьми их себе и сбереги, тётечка родная.

Ухожу и сердце щемит: страшно за семью. Но, Бог мой, вижу я, что ничего не выходит из моих усилий, и я больше так жить, как жила, не могу. Вот опять хозяин гонит с квартиры из-за жалостей детей. Ну, перевезу их и уеду. Оставаться мне всё равно, что пытаться пригоршней удержать прорвавший плотину водный поток. Поручаю их Богу и Божьей Матери. Они сильнее меня, они и уберегут маму и детей.

Этой весной нас раздражали было, предлагая маме место начальницы гимназии в Юрьевцы, кажется. Там есть и мужская гимназия, значит дети могли бы там учиться. Об этом месте ни слуху, ни духу. Но раз мама соглашалась туда идти – согласиться и в другое место, была бы только мужская гимназия там или хоть прогимназия с перспективой гимназии. Дело в том, что на жизнь маме не хватало этот год. Уйду я, станет работать Катя, и всё будет не хватать. Прочь бы их из нижнего, от воспоминаний, от дорогих квартир, от дорогой жизни. И Катю бы пристроить. Это мои сокровенные желания. Сбудутся они, и с меня свалится тягота вины перед семьёй, к[ото]рую я чувствую на своих плечах с тех пор, как решился мой уход. Господи, помоги! Господи, благослови! Помоги маме и детям, помоги и мне. Большой период жизни моей кончается. На рубеже между миром и

монастырём оглядываюсь назад и не могу не сказать большого сердечного спасибо тебе и всей твоей семье, так пригревшей меня, так поддерживавшей и в юности, и в трудные годы последующей жизни. Не прими присылку этих писем за знак прекращения переписки. Я была бы рада не порывать письменных сношений с тобой и дальше, любимая моя, хорошая тётя. И ещё просьба: подбодри маму, скажи ей, что я иду не на муку и смерть, а на лучшую жизнь. Крепко тебя и Ничочку целую. Сергею Фёдоровичу кланяюсь, если он захочет принять поклон от человека, собирающегося вступить в число тех нелюбимых им монахов. Еще раз тебя родную, любимую целую. Маму поддержи.

Твоя Е. Шамонина.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.2. Д. 6097. Л. 44-45 об.

№41

Дорогая тётечка! Забыла, когда писала тебе исполнить мамину просьбу и сообщить тебе их новый адрес. Исправляю теперь мою оплошность: Н. Новг[ород], Немецкая ул. д. Удаловой. С.Н. Ш. Крепко целую тебя. Всем твоим мой привет.

Е. Шамонина.

Голутвин. 3/ VIII-[19]12 г.¹

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч.2. Д. 6097. Л. 46.

№42

Милая тётечка!

Получила я через Юру твоё письмо – и удивилась вопросу почему я не пишу тебе. Дело в том, что сейчас я сама не знаю своего положения среди родных, не знаю, кто как ко мне относится – и никому не пишу. Ты была единственная, кому я писала накануне своего окончательного отъезда из Нижнего и, не получая от тебя ничего, думала, что ты сердисься на меня. Очевидно, я ошиблась. Слава Богу! Спрашиваешь, как я себя чувствую – физически сносно, т. е. очень устаю к ночи, сплю, как убитая, и встаю утром, чтобы опять начать день полный самых разнообразных, а подчас и неожиданных дел. Ведь вся правда крохотная: больничка, аптека, все больные, лежащие по своим кельям – всё это лежит на нас двух. Много дела и чистого, и грубого: топка печей, метенье палат, коридора, келий, бесчисленные половики, к[ото]рые надо вытряхнуть, полы, к[ото]рые надо мыть, помои, к[ото]рые надо выносить, постели больных, посуда, бельё, приготовление лекарств, всякие растирания, смазки, перевязки и пр[очие] чисто больничные дела

¹ На почтовой карточке. Адрес: Таврическая губ. Воронцовская ул. д. Чечулиных. Надежде Николаевне Платоновой.

– всё это заполняет день¹. Последние же 3 месяца не переводятся больные, с к[ото]рыми и ночевать приходится. Вот заполнена и ночь. И выходит, что для себя, для писем ли или для работы нет времени. И многие ропщут на меня, что я не пишу, а я вечером пробовала браться за перо, но не вижу отверстия чернильницы, п[отому] ч[то] глаза слипаются. Поневоле на вопросы: «Привыкли ли вы к нам? Не скучно ли? – приходится отвечать, что мне об этом ещё некогда было подумать... Думаю, что и здесь видна рука Божья, дивно ведущая человека в извилистом направлении. Руку Божью вижу в том, что вы все помогаете маме; её поддерживаете, а меня избавили от великого искушения: от мысли, что я, ища своего блага, бросила их беспомощными. Теперь зная, что у мамы денежная поддержка есть и что насколько я могу судить, она не покупается ценою жизни, я не жалею, что не изломала своей, а пошла своим путём - слава Богу. Вижу руку Божью и в том, какое мне дано послушание: ведь с детства я мечтала о служении больным – и исполнилась моя мечта, когда я отказалась от всяких перспектив. Кроме того, здесь, в больнице, я избавлена от многих забот, к[ото]рые иначе были бы неизбежны: везде понадобилась бы мебель, а у меня нет, утварь вроде ведер, кочерги и пр[очее], а здесь всё это казенное и обзаводиться ничем не нужно. При моём денежном положении ценно и это. Только одно меня мучит – что я ничего не знаю по медиц[инской] части. Уж я и Матушке толковала, что нет у меня знаний – да она как-то светло смотрит: «Научитесь». Очень мне важно то, что матушка интеллигентная: она училась в П[етер]бурге на педагогич[еских] курсах², когда они ещё были на Гороховой; Мат[ушка] помнит и Каменскую³ и Папкову⁴; понятно, с ней можно говорить, как говорится, не подыскивая слов по её пониманию – это очень облегчает. Кто-то из твоих девочек была здесь и знакома с Матушкой: т. Зина⁵ привозила её – по описанию Матушки – не Ничкаб ли. Немного думаю, как бы меня летом не отправили в какую-либо общину учиться уходу за больными – впрочем, это только предположения мои.

¹ Только не приходи в ужас от этого перечня: всё это лежит на мне. Ездить за дровами, мыть полы носить воду и помой мне сотрудница не дает – примечание автора письма.

² Педагогические курсы при Санкт-Петербургских женских гимназиях — основаны в 1859 г. при первой женской гимназии, Мариинской, и подвергались неоднократным преобразованиям. В 1903 г. На их базе был создан Женский педагогический институт, директором которого назначен С.Ф. Платонов

³ Каменская Анна Алексеевна (1867 – 1952) - религиозный философ, переводчик, преподавала французский яз. в гимназиях кн. Оболенской и Стоюниной..

⁴ Папкина Ольга Александровна - начальница Женского педагогического института.

⁵ Шамонина Зинаида Николаевна (1864-1940/1944) – организатор мужской гимназии в Москве, позже научный сотрудник II разряда Музея палеографии АН СССР (1925-1930), тётя автора писем, сестра Надежды Николаевны.

⁶ Платонова Нина Сергеевна, дочь Надежды Николаевны, двоюродная сестра автора писем.

Помню, лет 5 тому назад пришлось мне писать т. Соне¹ и т[ак] к[ак] я тогда была всецело под впечатлением от первого посещения Оптиной², я и тёте писала о монастыре. Она мне тогда ответила, что в м[онасты]рь никогда бы не пошла, т[ак] к[ак] «созерцательна исключительно жизнь» ей не по душе: ей нужен город для людей – и вот теперь я вижу, как не понимала она, в чем заключается монастырская жизнь. Теперь вижу, что жизнь монашенки, по крайней мере, до большого пострига, т. е. лет до 55 – сплошной труд. Трудятся все, но виды труда различны – и не милость ли Божья, что мне такой беспокойной дан труд, заставляющий служить людям? Ведь это устраняет от меня возможное искушение мыслить, что я живу только для одной себя. Трудятся все и всегда: в поле, на огороде, в мастерских: рукодельной, живописной, белошвейной, а в свободные минутки работают по кельям для себя, чтобы добыть необходимый им для жизни: ведь надо одеть, обуть себя и пр[очее]. Словом, здесь жизнь – тоже труд, но только за оградой, возле церкви – труд ради Бога – вот и всё. Что-то уже спать хочется. Надо ещё пойти к больным, прочесть им молитвы на сон грядущий и спать тогда. Был у меня Юра и передал Ниночкин вопрос, не выгоню ли я её, если она ко мне придет. Передай ты ей, пожалуйста, что я не собираюсь гнать никого, кто бы ко мне вздумал приехать. Юра мне показался очень возмужавшим, а в общем всё такой же чудак, как и был, только длиннее стал. Был здесь М.А. Новосёлов³, был у Матушки и меня туда вызвали. И я немножко поговорила с ним. Он привёз сюда жить при школе свою племянницу-сиротку и просил меня её приветить – вот и новая миссия! В праздник или в будни, когда не ладятся задачи, ползёт Люба в больницу – и для неё надо минутку выкроить! Ох, тётечка, прости, если буквы смешиваются? и чернильница всё куда-то пропадает. Спать пора. Покойной ночи. Спасибо за маму.

Адрес мой: Москва. Петровско-Разумовское. Казанский Головин монастырь. Больница. Послушнице Ел[ене] Вл[адимировне] Ш[амониной]. Совсем засыпаю.

Е. Шамонина. Головин 27/XII [19]12 г.

Поздравляю с прошедшим Рождеством и наступающим Новым годом.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6098. Л.1- 4 об.

¹ Колчанова (Шамонина) (1867-1921).

² Введенская Оптина пустынь — ставропигиальный мужской монастырь Русской православной церкви, расположенный недалеко от города Козельска ныне Калужской области. По преданию, основан в конце XIV века раскаявшимся разбойником по имени Опта (Оптия), в иночестве — Макарий

³ Новосёлов Михаил Александрович (1864— 1938) — русский публицист, духовный писатель. Идеолог иосифлянского движения. Причислен к лику святых РПЦ в августе 2000 года.

№43

Москва. Петрово-Разумовское.
Казанский Головин монастырь.
+ Казанский монастырь 12/XI - [19]16 г.

Дорогая тётчка!

Хотя у нас и не было уговора, чтобы я тебе написала, но мне хочется тебе рассказать, как я вчера была у дяди¹. К нему я не входила, он меня не видал, но я видела и слышала его. Пробыла я там до 2-х часов, т. е. пропустила все свои сроки и летела домой сломя голову. Что я там делала? Началось с того, что дядя требовал чаю, самовар оказался пустым, а прислуга – отправленной в аптеку. Пригодилась монастырская наука: унесла я самовар, поставила, подала, когда поспел. А потом – то одно, то другое дело, а в промежутке разговоры с Олимп[иадой] Ник[олаев-ной]² о том, может ли быть несчастье ещё ужаснее? Кажется, она невольно вспомнила, как она видела нас в Нижнем в минуту нашего большого горя³ - и потому и оставила меня, что эта аналогия существует. Но, кажется, и ещё одно: я так далеко от них стоящее существо, такое «ничто» для них, что ко мне никак нельзя приревновать, как к другим родным. Кажется мне, что она боится именно за то, что ворвутся в её область, завладеют тем, что или кого она считает своей нераздельной собственностью. Впрочем, она мне жаловалась на т. З[ину]: «Знаете, что она мне сказала? Что она не сочла себя вправе молчать о болезни Серёжи, п[отому] ч[то] иначе могут подумать, что мы с нею его отравили! Я ей ответила, что о ней это, может, и подумают, но не обо мне». Ведь, не правда ли, это уже немножко слишком? Но, знаешь, за дядю я перестала так волноваться. Вчера он и говорил, и пил чай, и курил, и даже сердился именно так, как раньше, до болезни. И показался он мне усталым, больным – но не ужасным. М[ожет] б[ыть] я и ошибаюсь, а у меня как-то сложилась уверенность, что все обойдется благополучно. Ол[импиада] Ник[олаевна] просила меня приехать ещё и побыть у них. 15-го я должна ехать к Воинскому нач[альни]ку за жалованием солдатам – хочется мне и у них побывать. Но в общем ужасно странное чувство: ты находишься в бедламе и не чаешь как оттуда вырваться. Видела я даже сестру Ол[импиады] Н[иколаевны] – Любовь Н[иколаевну] и первая угроза (пока она меня не узнала): «Зачем вы, такая молодая, и в монастырь поступили?» Так и хотелось спросить: «Но неужели Вы не чувствуете, что Вы все здесь находитесь в сумасшедшем доме? И удивляетесь на человека, пожелавшего из этого ада вырваться?»

Теперь о тете. Хотя это и не касается меня, но сказать мне хочется. У неё долги кругом: прислуге не плачено за 2 мес[яца], за сено должны 900 руб. и коровы ревут, п[отому] ч[то] их кормить нечем. Нет дров, нет корма. 5 слугителей,

¹ Шамонин Сергей Николаевич (1868-1916).

² Шамонина (Фёдорова) Олимпиада Николаевна (1868-1916).

³ Смерть Владимира Николаевича (1860-1906) – отец автора писем.

«от услуг к[ото]рых тетя отказалась», столуются от неё. Пансионеры, к[ото]рых она держит явно в убыток, ворчат на каждый пробел в хозяйстве. Всё плывет между пальцев.

Зина рассказывала мне как они целый вечер, осуждая Вас (накануне моего приезда), проговорили с Богомоловым. Он ей толковал, что от души желая восстановления тетиного имения, они в то же время убеждали, что с её характером дело вести невозможно. Но он думает, что если гимназия Шамониной¹ будет восстановлена, то, проведя её месяца 2-3, тетя должна передать её педагогам. И у него, Богомолова, и его товарища Юшкова создан уже план гимназии, устроенной по-новому, и которую очень удобно будет открыть в этом помещении. Зина толковала, и, по-моему, сама не понимала, что говорит. А мне стало грустно и досадно. Люди, люди и опять вы все так же эгоистичны, своекорыстны. Значит всюду и друзья, и враги – все это разные гончие по одному следу! И ex-директор Владимирский² и К° и ex-друг Кедров и К° и quasi-друг Богомолов – все гонятся за одной дичью: за гимназией и правом жить в ней по-своему; а тётя-то воображала, что им интересно, чтобы гимназия устраивалась по-тётинькому...³ Знаешь, чем кончится? У неё есть долги, кажется, есть векселя. Она запутается во всех своих расчётах и у неё вырвут из рук единственно существенное, что у неё есть – дом, и она окажется на мостовой. Ей нужно дело ликвидировать, дом продать, пока ещё её долги не превышают его стоимости. Реабилитация..., да будет ли она? Ведь восстановить её – самим себе высечь министерству. Приедет г. Сурин или другой кто, стоит войти в гимназию, заговорить с первым попавшимся, чтобы схватить эту страшную бестолковщину в материальных делах, властность и изменчивость (хочется сказать взбалмошность) в отношениях с людьми. Тетя сама не понимает, что запутывается все больше и больше. Хоть бы кто-нибудь повлиял на неё. Ведь, если она тебе, которой она хвалится и гордится в присутствии чужих мальчишек, заявляет, что ты, тетя Надя, «ведешь себя неприлично», то что же она говорит другим, кого считает низшими себя? И я сама слышала в прошлом году как она пробирала за дурное поведение учителей в присутствии монашенки. Нет, повторяю, в большом общественном деле она невозможна!

¹ Бывшая мужская гимназия З.И. Шамониной была построена в 1884 г. Она сохраняла свое назначение до осени 1917 г., а после 1920 г. ее заняли медико-биологические институты. В 1937 г. была завершена тотальная реконструкция здания, в результате чего появилась пристройка. Проект для нее разрабатывал архитектор Н.И. Транквилицкий. Впрочем, дополнительное строение не особо изменило внешний вид гимназии, и ее очарование все же сохранилось (Годичный акт в Частной мужской прогимназии З. Н. Шамониной: С прил. описания выст. в память м. Филарета. М.: Тип. Штаба Моск. воен. окр., 1908. 16, 21 с.)

² Владимирский Илья Макарович - преподаватель древних языков и русского, служивший в 1-м Московском реальном училищ, а с 1910 г. состоящий директором частной мужской гимназии З. Н. Шамониной.

³ Здесь и далее так в ркп.

И потом - это обоготворение этого И. И-ча - чувствует моё сердце, что тут очень много ненормального, и вопрос: дом продается – чем же он будет управлять – не самый ли существенный довод против продажи дома?

Вот написала много. Тетечка, ты это письмо уничтожь, и пусть про него никто не знает. Но не найдешь ли ты способа повлиять на тетю, чтобы вытянуть ее из этого болота, в которое она сама себя тонет? Прости за многословие.

Целую тебя крепко и Верочку с Таточкой, и твоих меньших. Поклон от меня Сергею Федоровичу. Люблю тебя.

Послушница Елена.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6098. Л.6-8 об.

№44

+ 20/XI- [19]16 г.

Дорогая тетечка!

Вчера вернулась из Москвы, где пробыла 3 дня, и получила сразу оба твои письма. Ездила по лазаретным делам, но, когда 17-го позвонила по телефону к дяде, меня просили приехать. Матушка отпустила меня до следующего дня, и я пришла к ним. Ол[импиада] Ник[олаевна] встретила меня очень приветливо. Я думала, что пробуду часа 2-3, а пришлось пробыть всю ночь и след[ующий] день. Ол[импиада] Ник[олаевна] сказала мне, что дядя «очень волнуется», когда она к нему входит, и поэтому ему говорят, что её нет дома. Она просила меня войти к дяде. Я думала, что он меня не узнает. Монашенкой я у них не бывала, и единственный раз, что он меня видел в моем теперешнем костюме, был когда этим летом они привозили ко мне нашу Сонечку¹. Впрочем, нет, еще раз мы вместе были на вокзале, когда мама уезжала, оставив в Москве Володю².

Оба раза были в текущем году, и, если он забыл всё, происшедшее за эти 1 ½ - 2 года, как говорили, они меня не увидят.

Он стал стонать. Я вошла. Лежит, укутанный по шею одеялом.

-Кто это?

- А ты не узнал меня, дядечка?

- Аннушка?!

Она самая!

- Да ну? А ты не врешь?

- Не вру!

-Ну хорошо, хорошо. Здравствуй, дочка! Ты иди, попроси себе чаю, закусить. А потом я встану, тогда мы с тобой побольше поговорим.

- Да, дядечка, мне хочется с тобой поговорить.

¹ Младшая сестра автора писем.

² Младший брат автора писем, жил и учился в Москве у тёти З. Н. Шамониной.

-Хорошо, хорошо. Иди теперь, иди. А потом поговорим. Иди, кушай, пей, иди, иди.

- Боже мой, ой-ой. Боже мой, Боже, Боже – что же, что же... Боже мой – что это такое!

И долго, долго повторяет один и тот же рифмованный стон. Точно сам стонет и слушает, складно ли выходит. Потом стал петь, т. е. голосом выделять рулады, повторяя одно «ой-ой-ой» и то понижая, то повышая тона. «Лина ты пришла?» Несколько раз входила то я, то приглашенный для ухода фельдшер-психиатр (принеловкий человек) и говорили, что её еще нет. Наконец мне представилось, что он волнуется, что стало темно, а её все нет. Я сказала, что она вернулась. «Позови её ко мне». Вошла она, сжалась как-то. «Кто это?» Это я Сережа. «Кто это?!» - еще резче кричит дядя. Да я, я, Сереженька! «Кто я?» «Да, я Лина!» «Ах, Лина?! Поди-ка поближе, мне надо с тобой поговорить. Скажите, пожалуйста, Олимпиаде Николаевне, чего ради с какой именно гнусной целью, вы устроили мне эту пакость?» «Христос с тобой, С[ерёжа], что я тебе сделала?» «Что сделала? А вы будто бы не знаете, что вы мне сделали? Был человек вполне здоровый, вполне нормальный и вам понадобилось вам меня искалечить, обратить в инвалида. Для чего? С какой целью? Если ты хотела убить меня, то гораздо проще было дать мне цианистого калия. Результат получился бы быстрый, а я бы был избавлен от этих ужасных страданий. Но тебе почему-то понадобилось изуродовать мою левую ногу, присадив на неё какую-то пакость. Этого мало, изуродовав мою левую ногу, ты это же сделала с правой ногой. И этого было недовольно. Испакостив обе мои ноги, ты тоже сделала и с моею грудью. И двух ног, и груди тебе было мало: ты изуродовала мою левую руку. Не знаю, с кем сравнить тебя? Это поступки не человека. Это такое бессердечье, такая нечеловеческая жестокость, что нужно обладать звериным сердцем, чтобы всё это сделать. Убить меня хотела? Я надоел тебе? Убийца! И теперь я говорю тебе – сейчас же немедленно пошли за цианистым калием, п[отому] ч[то] я прямо предупреждаю, что больше я не могу выносить этих страданий, и жить больше не в силах, если ты не дашь мне яду, я вышибу окно и выброшусь вон!» Ол[импиада] Ник[олаевна] выбежала. Всё это говорилось спокойно, тоном обвинителя на суде, как бы резонерствуя. Вслед ей кричит. «Эй, Фёкла! Чай есть у тебя что ли? Подай чаю, тебе говорят».

Кричит так жестко, так ужасно грубо и вульгарно, что я похолодела от этого тона. Больше она в тот вечер не показывалась. Если он её звал, входила я, говорила, что её нет, ушла за покупками. Со мной вежлив и ласков. О ней за глаза говорит с ненавистью. «Где она? Дрыхнет, что ли? Куда подевалась? Собаки её съели?» А она рядом, в зале, всё это слушает. Страшно было на неё смотреть и мне её бесконечно жаль. Он её оскорблял в самом святом-святых, в её любви к нему. Понять, что он не вменяем, что это бред сумасшедшего, но какого ей с его сумасшествием жить? А если он сознательно её оскорбляет – какого это выносить.

Прописали врачи ему Code in с Natrii bromati. В крайнем случае Veconal – маленькая доза. Ведь это все не болеутоляющие. Дали мы ему ложку микстуры и прием Veconala и он с ½ 11-го заснул. Мы устроились за стеной. Не раз ночью она послала меня послушать – дышит ли дядя. Часа в 4 начал опять стонать – ещё прием Natrii bromati и спал до ½ 7-го. Ол[импиада] Ник[олаевна] хотела, чтобы я переселилась к ним, предлагала внести деньги в монастырь за меня, чтобы мне «наняли заменицу», но, конечно, Матушка на это не согласилась, позволили мне пробыть у них еще день и ехать домой. Она же посоветовала обратиться в психиатрическое отделение Никольской общины, старшая сестра к[ото]рого её знакомая и просить дать сестру для ухода за дядей. Я ходила туда по просьбе Ол[импиады] Ник[олаевны], но решение этого вопроса отложилось до следующего дня, и я не знаю, получили ли они сестру или нет. Вернулась я – там врачи – домашний Баумштейн и приглашённая знаменитость Горшентейн. Потом был хирург Мамонтов, кажется, дядя держался как нормальный человек. Ещё до их прихода он сам, без посторонней помощи добрался до уборной. Потчевала я его куриной котлетой – он мне предложил съесть такую же. Говорю: не полагается. «Ерунда! Ведь теперь филипповки¹, не великий пост!» Значит, и посты все помнит. С врачами раздражался, что задают ему скучные вопросы. Отказался отвечать, по какому делу выступал в последний раз: всё же забыл. А на вопрос доктора как он мог все забыть, ответил: вот бы положил я вас на свое место, заставили бы провести дней 8 в состоянии непрекращающейся боли ни на минуту, ни на 1/60 долю минуты, стали бы вы тогда удивляться, что голова у меня превратилась в лохань, навозную... Знает-таки».

А на вопросы, от чего и когда они заболели, определённо посоветовал обращаться за разъяснениями к Ол[импиаде] Ник[олаевне], которая все эти страдания вызвала. «С какой целью?» «Да почём я знаю, какие у неё могли быть соображения: м[ожет] б[ыть] из послания провести эксперимент, может быть из любви к медицине или просто желая спровадить меня на тот свет». Так на том и остались. Врачи сказали Ол[импиаде] Н[иколаевне], что они не находят, чтобы дядя был болен психически. Его болезнь - воспаление нерв всего тела. Всем известно, как страдают во время воспал[ения] сидалищ[ного] нерва или при зубной боли – а тогда болит один нерв. А у дяди так уже болят все нервы. Оттого и эти стоны. Болезнь эта длительная. За периодом страдания полоса общего расслабления всего тела. Этим смущаться не надо. Но вопросы же лиц заинтересованных Ол[импиада] Н[иколаевна] имеет полное право ответить, что дядя тяжело болен физически, но состояние его серьёзных опасений не возбуждает. Пройдёт 1-2 месяца, и он опять будет жить и работать по-прежнему. К вечеру этого дня дядя звал два жена, обращался к ней с просьбами, кот[орые] он стеснялся высказать другим и был с ней не груб. С этим я и уехала. Но все теперь всплывает в памяти. Когда мы девочками первый раз увидели эту пару, так и чувствовалось, что над

¹ У православных пост перед праздником рождества, иначе: рождественский пост.

дядей произведено какое-то насилие. Теперь природа мстит за себя – и жалко их обоих, и вопреки утешительным обещаниям врачей я смотрю с ужасом на них и на их будущее. Очень всё это тяжело!

От мамы получила письмо. Там всё благополучно. Прости, тётечка. Ма-тушка обещала мне, что я временами буду наезжать к дяде. Если побываю там - напишу. Тетя пока с Ол[импиадой] Н[иколаевной] в мире. Та то сердится на неё, а то опять вызывает её, когда что-ниб[удь] понадобится ей. И вообще, там не один больной, а двое, и кого из них жальче – вопрос.

Привет Серг[ею] Фёд[оровичу] и Мише. Сестёр и Таточку целую, и тебя, конечно.

Любящая тебя послушница Елена.

Кончила письмо уже 22/XI [19]16 г.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6098. Л. 10-14 об.

№45

+ Казанский. 2/XII - [19]16 г.

Дорогая тётечка!

Теперь могу тебе сказать, что, если ничего не изменится и Бог благословит, 9-го вечером во всенощную совершится мой постриг, и 10-го утром, за обедней мы должны причащаться уже «монахинями». Постриг малый, рясофорный¹, не страшный. Имя останется прежнее. Вообще, в рясофоре ты та же послушница по жизни, но которой поверили, что она из монастыря, пожалуй, и не уйдёт. Вспомни обо мне 9-го и утром 10-го.

Поклонись от меня Серг[ею] Фёд[оровичу] и Мише. Тебя и сестёр крепко целую.

Грешная послушница Елена.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6098. Л. 16.

№46

Милые мои и дорогие тётя Надя, Сергей Фёдорович, тётя Зина и все остальные.

Кажется, на этот раз можно надеяться, что моё письмо дойдёт до Вас.

¹ Рясофор (рясофорный монах) – монах низшей степени пострига. Званию «рясофор» предшествует ступень «послушник», после рясофора следует малая схима. Пострижение в рясофор не является в собственном смысле слова принятием монашества, так как в этом чинопоследовании отсутствует произнесение монашеских обетов.

Едет в Пет[ер]бург женщина – врач, заведующая санаторием в нашем м[онасты]ре. Её я и прошу зайти к Вам. Её зовут Надежда Ивановна Родионова. Это моё начальство, т[ак] к[ак] вот уже более 2-х месяцев, что я состою счетоводом в санатории (конечно, прикомандированная своим начальством). Работы много, да ещё не знаю, что буду делать со своими прошлогодними учениками: их тоже немало, а главное, очень они неровные, т[ак] ч[то] заниматься надо не менее как с 3-мя группами – где же взять время? А отказывать ребят[ам] и родителям жалко! Мы живём все время между страхом и надеждою, п[отому] ч[то] надо признаться, что наше сословие оказалось ведь так сказать, стоящим вне закона. Это очень странно, но положение наше и не лучше положения раскольников во времена разных вероисповедных строгостей. И что интересно: нас нет - и всё-таки мы есть!

Как уберёжёт нас Бог дальше – не знаю. Кажется, чуть не единственный выход из положения – зарегистрироваться к[а]к трудовая артель – и страшно! Не знаете ли чего-ниб[удь] о том, что нам угрожает и как нам уберечь моё гнездо.

Не знаю в каком положении у Вас Невская Лавра и монастыри Иоановский и Воскресенский?

Из Нижнего почти никаких вестей и это довольно тяжело. В первых числах августа (по старому стилю) послала я маме письмо с большой просьбой ответить о получении его и ответа нет. Не знаю, что вернее: письма не доходят или отозваться не хотят. Вот я тоже писала к Пасхе – ответа нет. Думаю, м[ожет] б[ыть] рассердились на меня за что-нибудь? Но если бы и так было тогда, глядя почти в глаза смерти, тяжело сердиться или думать, что другие сердятся. И потом, так хочется хоть о ком-нибудь знать, что живы, и как живут. Главные вопросы: голод и холод. И это-то хотелось бы знать. Насколько Вы все обеспечены продовольствием и дровами? И ещё – где Миша? Простите, родные! Отзовитесь мне! Напишите о себе поподробнее. Надежда Ив[ановна] – человек очень хороший, с ней не страшно переслать письмо. Крепко целую обеих тётъ и сестёр. Кланяюсь С[ергею] Ф[ёдоровичу] и Мише. Люб[ящая] Вас Елена.

Казанский. P.S. Письмо было написано, когда пришли зараз два письма от мамы. Они там живы и здоровы – это главное. Относительно Ю[ры] мама передает предположение Вашей Верочки, что он в Германии. А я не знаю, где мама видела Верочку. И на чем это предположение основано. Про Андрюшу пишет, что последнее о нём известие, что он в плену. У кого? – не знаю. Володя до сих пор пишет ей письма. Значит, по-видимому, пока все мальчики живы. Слава Богу! Не знаете ли Вы, где именно служит Катя? У мамы сказано неясно и выходит нечто довольно несообразное. Напишите о себе.

Отзовитесь. Елена.

Если С[ергей] Ф[едорови]ч знает что-ниб[удь] о намерениях власти относительно церкви и монастырей, он бы большую нам услугу оказал, сообщив мне, что знает. И чей теперь Петербург? [начало 1917].

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6098. Л. 18-19 об.

№47

Милая тётчка!

Если можно, есть время, черкни, что у Вас делается, какое настроение и какие перспективы в ближайшем будущем. Я с 20-го февраля сижу в монастыре. Про происшедшее только читаю. Мысленно и очень больно переживаю незабвенный для меня 1905-ый год, бывший таким роковым лично для меня. Людей вижу мало. Люди небеспристрастные. Если можно, напиши, как у Вас думается, на что Вы надеетесь. И... будет ли у нас Царь или нет. Простите эту бумагу и спешность письма. [конец февраля 1917].

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6098. Л.20.

№48

Казанский 18/ III-[19]17 г.

Дорогая тётчка!

С тех пор, как вернулась из Москвы и похорон¹, ни минуты не выходит из головы Юра. Конечно, хотелось бы думать, что положение ликвидировано, но как-то мало на это надежды. И нестерпимо сидеть и знать, что там без суда и следствия, без защиты томится человек, виноватый лишь в том, что по долгу службы оказался в роковой день в пределах Кронштадта. Невозможно сидеть и ничего не предпринимать, и не знаешь, что предпринять. Ведь есть же власти предержажие? Так ч[то] же исполнит[ельный] Комит[ет] Думы² и Родзянко³ во главе, тот же Гучков⁴ или ещё кто-ниб[удь]? Они провозглашают всякие свободы, но первая, кажется, заключается в праве всякого гражданина на свободу, кажется, в свободных

¹ Дядя Сергей Николаевич умер 25 ноября 1916 г.

² Комитет членов Государственной Думы для водворения порядка в столице и для сношения с лицами и учреждениями; также: Исполнительный комитет Государственной думы) — высший чрезвычайный орган государственной власти, сформированный 27 февраля (12 марта) 1917 г. в ходе Февральской революции в России.

³ Родзянко Михаил Владимирович (1859-1924) - политический деятель, лидер партии Союз 17 октября, председатель Государственной думы третьего и четвертого созывов. Один из лидеров Февральской революции 1917 г., в ходе которой возглавил Временный комитет Государственной думы.

⁴ Гучков Александр Иванович (1862-1936) — российский политический и государственный деятель, лидер партий «Союз 17 октября». Председатель Третьей

государствах без суда и следствия в тюрьмы не бросают¹. И знаешь, что ещё на меня ужас нагоняет? А ну как Врем[енное] прав[ительство] начнет применять к матросам репрессивные меры, а те в отместку расправятся с арестованными офицерами. Уж не в качестве заложников они их и берегут? Маме я этого не говорила и не скажу, а тебя спрашиваю. Теперь вот что. Не знаю, как относится С[ергей] Ф[едорович] к теперешним властям. Почему-то мне кажется, что обращаться к ним с просьбой «обязываться» им ему м[ожет] б[ыть] неприятно. И слишком им в Петрограде небезразличный человек. Ты – его жена. Послушай, если бы к властям, к тому же Гучкову, что ли обратилась мама или я? Я – сестра, крестная мать Юры, я имею право волноваться за него. Теперь все граждане, прежней недоступности сфер быть не должно, и скромная монашенка должна добиться аудиенции, хотя бы у самого г[осподи]на министра. Конечно, я не говорила об этом с Матушкой своей и не уверена, что она меня пустит в Петроград. Но если бы ты мне написала, что это нужно, что это может принести пользу Юре, я попыталась бы выбраться и, думаю, она бы меняпустила. Дело идёт о живом человеке, о молодой жизни.

Мне всё кажется, что нужно пойти к властям и запросить их, известно ли девам, что дело обстоит так-то? И чего нам, родным, дальше ждать и чего бояться? На носу Страстная² и Пасха. Надо спешить. Из м[онасты]ря выбираться нелегко, да и жалко в эти дни. Но, скажи, что это действительно нужно - я попытаюсь приехать. Понимаешь, хожу, ем, пью, ложусь спать и встаю – и в голове всё Юра, Юра, Кронштадт, тюрьма.

Тетечка, пиши поскорее, нет ли чего нового и нельзя ли чего предпринять? А м[ожет] б[ыть] Вы сами сносились с властями? Тогда я, конечно, не нужна. Но что Вам ответили? Дай знать, пожалуйста, как обстоит дело. Если самой некогда, пусть напишет одна из сестёр. Прости. Целую тебя и сестёр. С[ергею] Ф[едоровичу] и Мише привет. Елена.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6098. Л.22-23.

Государственной думы (1910—1911). Военный и временно морской министр Временного правительства (1917).

¹ 6 апреля 1917 г. Н. Н. Платонова сделала об этом аресте обширную запись: «» Наш Юра тоже три недели высидел в тюрьме, пока 23 марта в Крондштадт не явилась депутация от команды его миноносца и не вытребовала его.... При этом объявили, что «что они выбирают его командиром миноносца». Н.Н. Платонова с дочерью Наташей 9 марта ездила в Крондштадт 9-го марта, но «не добились свидания с Юрой» (Платонова Н.Н. Дневник. С. 280

² Страстная седмица, Страстная неделя, ранее также Великая седмица — в исторических христианских церквях предшествующая Пасхе неделя, во время которой вспоминается Тайная вечеря, предание на суд, распятие и погребение Иисуса Христа

№49

Казанский 22/III - [19]17 г.

Я тебе писала, спрашивала не приехать ли мне в П[етро]град. Но теперь эта мысль одна означает, разве в Думу сделать запрос о Кр-не.

Как долго теперь идут письма. Твое письмо от 18-го я получила только сейчас. Спасибо за него, за сообщения об Ю[ре]. Маму я проводила по-чудному, целый час стояла «в хвосте» во II кл[ассе] за 2-м до отхода (уже после 2-го звонка), взяла билет на 8-ми час. поезд, и она с носильщиком кинулась бегом на платформу. Когда я вышла туда, уже мамы нигде не было, а поезд медленно отходил. Думаю, что она с ним уехала, вероятно, стоя, п[отому] ч[то] поезд шёл переполненным. К себе я в тот день не вернулась, на трамвай забраться не могла, ни на один, и пошла пешком по Садовой на свою Сретенку, где и осталась ночевать на нашем подворье. Утром в ½ 8 уехала и около 10-ти была дома и рада-радехонька, что добралась сюда.

Москва последнее время производила впечатление дома умалишённых, и я счастлива бываю выбраться оттуда. На похоронах ли я простудилась или так отдаю дань внезапно наступившей весне, но немного кашляю, насморк, но не сильно, т[ак] ч[то] хожу и работаю. Неужели и Пасху они будут в тюрьме? А газеты пишут, что там «теперь наступило полное успокоение» - это называется правда, свобода печати в свободном государстве!

Тёточка, как думаешь, писать Ю[ре] можно? Я хотела было написать, и боюсь, как бы чего не напортить. Пожалуйста, родная, как будет что-ниб[удь] новое, напиши. Крепко целую тебя и сестёр. Сергею Ф[ёдорови]чу и Мише привет. Искала в Москве по книжным лавкам 2-х вещей: «3 разговора Владимира Соловьёва»¹, «Царь Иуд[ейский]»² великого князя - ни того, ни другого. Видно, из моды вышли.

Прости. Буду ждать от тебя письма.

Послуш[ница] Елена.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6098. Л.25-25 об.

№50

Казанский 30/ III - [19]17 г.

Христос воскрес!

Тёточка дорогая, большое, большое спасибо за письмо и телеграмму. Мне думается, что Вы надоумили Юру телеграфировать мне – и какая тяжесть с меня свалилась. Сразу почувствовалось, что весна на дворе, что Пасха близко. А то всё

¹ Апологетические и полемические диалоги в произведении выдающегося русского религиозного философа Владимира Соловьёва.

² «Царь Иудейский» — пьеса поэта и драматурга К. Р. (великого князя Константина Константиновича)

заслонялось мыслью о Кронштадте. Я немного надеялась, не будет ли у Юры возможности хоть на недельку проехать в Нижний, и тогда хоть на часок заглянуть ко мне. Я его не видала уже два года, а за это время воды утекло много, особенного для него. И мне немного грустно, что эта моя мечта не осуществится. Положили, с наступлением весны все должны быть на своих местах. Будем ждать лучших времен. Вас всех от души поздравляю с праздником и желаю его провести светло настолько, насколько это возможно по теперешним временам. И Верочку с Колей поздравляю, и маленькую Таточку. Она меня не знает, а я вижу её рожицу с карточки, и ей желаю светлого праздника и хороших пасхальных яиц.

У нас становится хорошо: прилетели скворцы, сбежал почти весь снег, около собора и вообще внутри ограды просыхает. Тополя набивают почки. Воздух ласковый и тёплый. Ушла зима, кончается пост. Хорошее время – и особенно пока не съездишь в Москву: там вся та же суета, давка в трамваях, толкотня по улицам, хвосты в булочных.

Слава Богу, что я здесь. Вас всех целую. Серг[ею] Ф[ёдоровичу] и Мише кланяюсь.

Люб[ящая] Вас Елена.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6098. Л. 26-26 об.

№51

Казанский. 25/VII - [19]17 г.

Дорогая тётчка,

Большое спасибо тебе за все: еды у меня хватило слишком на всю дорогу и доехала я отлично. С поезда на поезд переправились на 6-м №-ре, пропустила поезд в 7-20 и в 8 ч., переполненные «товарищами». Села в 8-20 на Ростовский поезд в Нижегородский вагон и первый раз за все путешествие легла спать во всю свою длину: у меня было целое нижнее место, составленное из 2-х маленьких под окном. Проснулась, не доезжая Химок и в 9-30 была в Москве. Добралась до подворья и счастлива, что я дома. А в м[онасты]ре меня ожидало письмо мамы с просьбой приехать в Нижний «хоть после 20», что теперь абсолютно невозможно. Про путешествие свое я ей не напишу.

Целую крепко. Е[лена].

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6098. Л.27.

№52

Казанский 28/IV - [1918].

Дорогая тётчка!

Давно нужно ответить на твое письмо, за которое больше спасибо. Пришла весна - тепло – и новые заботы у всех: как-то поседем? Что-то уродится? Особенно

чувствуется, что рассчитывать можно только на то, что сделано своими руками. Начали пахать. Каково-то будет лето? По последнему декрету в нынешнем году не должно быть передела частновладельч[еских] земель – так что мы надеемся на неприкосновенность своего поля и огорода. Я лично после осени поправились, но вот чего маме не напишу: сердце то-то стало шалить. Была у д[окто]ра, кот[орый] нашёл расширение сердца. Дал лекарств. Советовал не утомляться, не волноваться. Лекарство я пью. А дальнейшее невыполнимо. Я и езжу, и работаю, только бьется оно временно, дышать не даёт и болит. Мне думается, д[окто]р немного выдумал, чтобы меня пугать. Получила письмо от мамы. Вол[одя] откомандирован в штаб Вост[очного] фронта в Симбирск. Андр[юша] на курсах ком[андного] состава, готовится в «красные офицеры». Читаю в евангелии «и предаст брат брата за смерть, и отец чада» - вот он, этот ужас! Вообще из Нижнего очень тяжелые вести. И я ничего не могу сделать. Мама приглашает меня к себе. Скучает она. И пишет, что они голодают и топят печь старыми стульями. Подумала я, подумала: сердце шалит, путь трудный, тиф всюду свирепствует. Заберешься туда, да свалишься – и ей забота и лишний труд, и мне страх умереть не на монастырской земле. Вот почему ехать боюсь! Они там голодают, ехать, отбавлять у них последний кусок? А с собой захватить еды я не могу. Попожу!

Прощай тётка. Передай, пожалуйста, С[ергею] Ф[ёдоровичу], что могилку оправили, как травка подрастет, дерном обложат, а крест я заказала. Но т[ак] к[ак] у нас очень много могил новых, то мой крест будет 6-ой в очереди. Боюсь, что раньше середины лета готов не будет. Обложат дёрном, пока так. Передай мой привет твоим.

Люб[ящая] Вас Елена.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6098. Л. 28-29 об.

№53

Казанский. 8/22 – IX 19[21] г.

Милая тётя Надя!

Вот уже 3-ий день продолжается полученный мной на неделю от санатория отпуск – и я пользуюсь им, чтобы напомнить Вам о своём существовании. Хочется знать, все ли Вы здоровы? Кто и где? Где замужние сёстры? Где Миша? С Вами ли остальные? Как здоровье твоё и Сергея Фёдоровича? Насколько силён у Вас в Петрограде голод?

Я здесь живу по-прежнему: служу в санатории, езжу по монастырским делам к власти предержавшим. Пока наше гнездо цело, и в этом году призрак голода исчез: Бог послал хороший урожай и хлеба, и картофеля.

Только опять вышел новый декрет, опять чувствуется, что нужно легализовать своё положение. И несколько жутко: что-то Бог даст. Мама мне написала,

что т. Соня¹ умерла. Правда ли это, т. е. достоверно ли известие? Грустно как-то очень так далеко ото всех... Тёточка, думаю, что это письмо попадёт к тебе до 17-го (стар[ый] ст[иль]). Поздравляю тебя с днём твоего Ангела и с далёкими именинницами.

Крепко целую тебя и сестёр. Поклон от меня Сергею Фёд[оровичу] и Мише. Где т. Зина? Если с Вами – поцелуй её от меня, пожалуйста.

Елена.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6098. Л.31-31 об.

№54

Казанский. 25/ 12 – 1921 г.

Милая тётя Надя!

Поздравляю тебя и всех Ваших с недалёкими праздниками. Дай Бог Вам всем быть здоровыми и покойными в наступающем новом году. Что-то он нам готовит? Мои дела неважны. Осенью захворала. Долго крепилась и боролась с болезнью, всюду ходила, не давала себе днём ложиться, прибегала к лошадиным дозам *chenina* - нет, не одолела! Слегла - и началось лечение. Целую неделю выжидали, чтобы выяснилось, какой у меня тиф. Наконец, Матушка пригласила врача с соседнего завода (от тифа лечило мое начальство санаторное - нашу милую Надежду Ивановну). Врач определил катар воспаление левого лёгкого, т[ак] наз[ываемое] «центральное» и, наконец, стали лечить от этой болезни. Болей никаких не было, только очень трудны были ноги: жар, проливные поты, сердцебиение. Всё это скоро кончилось. Д[окто]р утешил, что т[ак] к[ак] у меня фигура неправильная, левый бок вдавлен и легкое сжато, то воспалению разгуляться негде. И мы с ним справимся. Весь ноябрь я пролежала. Вышла, наконец, из больницы – начались опять маленькие лихорадки. Поехала к д[окто]ру. Выслушал. Остались следы: воспаление перешло в затяжную форму. Бок вдавлен, легкое сжато, и труднее его очистить. Пейте креозот, рыбий жир, вересковый чай в листьях, ставьте регулярно банки. Вот теперь и тянется это. Обставлена я хорошо: у меня есть молоко, дают мне санаторный стол, кроме мяса, конечно. Работу послабили, делаю только самое неотложное и ответственное. Что будет дальше – Бог знает. Во время болезни собиралась умирать. И как-то страшно не было: к мысли о смерти я привыкаю. Конечно, немножко жутко, что кончается одно, хорошо знакомое, и начинается что-то новое и неведомое. Но больше заботили второстепенные мысли. Думаю, известят маму. Захочет приехать в долги влезет. А нужно ли

¹ Колчанова (Шамонина) Софья Николаевна умерла 6 февраля 1921 г. в Алешки Таврической губернии.

ехать? Только хуже ей будет. Сейчас о близкой смерти речи нет. Немного подозрителен мне доктор с его креозотом, п[отому] ч[то] это снадобье специально для чахоточных. Но я уверена, что сейчас у меня чахотки нет. Но скучно чувствовать себя инвалидом: скоро идти нельзя, задохнёшься; далеко ехать нельзя простудишься; много работать нельзя: силы не хватает; пост соблюдать, и то Матушка не велит: питание нужно. И вот такое инвалидное существование, да среди чужих, пугает, если оно долго продлится. Так хочется махнуть на д[окто]ров, выкинуть все снадобья, встать и счесть себя здоровой. А Матушка бранится, велит лечиться. Кажется мне, что меня больше запугивают – но всё-таки не весело как-то. Знаешь, тётя, или жить, т. е. работать, быть здоровой и сильной – или умереть, а только не такое существование поднадзорное! Вот тебе мои горя. Захотелось мне кому-ниб[удь] пожаловаться. Надеюсь письмо придёт не к самому празднику. Крепко целую тебя, тётечка, и всех твоих.

Елена.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6098. Л.32-35.

№55

Казанский. 5/18-1-[19]22 г.

Дорогая тетечка!

В самый Новый год стар[ого] ст[иля], и значит в день моего рождения, пришёл ко мне Илья Петрович. И стало мне очень неловко за свое письмо, т[ак] ч[то] я все вспоминала, не написала ли я чего-ниб[удь] лишнего. Не стоило так беспокоиться и его беспокоить! Я выхожу исподволь, работаю, даже в Москву уже съездила. Небольшая лихорадка все держится, почему приходится продолжать подлечивание, д[олжно] б[ыть] протянется это до лета – тогда солнышко всю хворь выжжет. Сразу я очень испугалась перспективы перейти в разряд монастырских инвалидов, но теперь вижу, что Бог ко мне милостив: работать я могу – а это было главное. Мама о моей хвори ничего не знала до последнего времени. Вообще, тебе первой я о ней написала. Я очень была благодарна Илье П[етровичу], что он ко мне пришёл, но только одно – он принёс еды: крупы, сахару и пр[очее]. Отказаться я не могла, когда он мне сказал, что это все куплено на деньги, присланные из П[етро]града, но мне немного было неловко за это недоразумение: в смысле еды я до сих устроена хорошо. Все необходимое у меня есть. Т[ак] ч[то] когда я писала тебе, мне хотелось не материальную помощь, а просто вот захотелось кому-ниб[удь] родному пожаловаться на налетевшую было хворь. Поэтому я очень была рада, что пришёл И[лья] П[етрович], что значит далекий П[етро]град обо мне вспомнил и прислал привет, но ещё было бы лучше, если бы он пришел без поклажи. Это я говорю на будущее время. Об еде и впредь для меня заботиться не

надо. А весточку время от времени пришлите! Я плохо знаю, как обстоят дела в Нижнем, т[о] е[сть] я понять не могу, что там делает Володя. Соня к[а]к будто учится, пишет мама. Это д[олжно] б[ыть] общая участь – по-моему вся молодежь в средней школе учиться сейчас не по-настоящему, а «к[а]к будто». Но В[олодя] ведь и не учится. Очень я боюсь, нет ли там большого горя, т. е. не разболтался ли он там вовсе!

Мы живем тихо. Наконец, нынешней осенью легализовали свое положение: теперь для властей предержавших мы с[ельско]х[озяйственная] артель, с председательницей, Советом. Я – один из членов совета по письменной части. Санаторий наш прозябает. Два раза его закрывали за недостатком продовольствия и сокращением штатов – и открывали вновь. Полевой штаб, имеющий у нас часть коек, взялся провести водопровод, канализацию и электричество. И, кажется, если центр (Здравотд[ел]) нас закроет, то мы перейдем к штабу. Вообще, перипетий предстоит много. По появлению И[льи] П[етровича] вижу, что т. З[ина] знает о моей болезни. Передай ей, пожалуйста, мою благодарность. Наташа предложила мне переправить письмо к Ю[ре]. Я написала записочку, которую прилагаю. Но, пожалуйста, просмотри её: можно ли её послать? Если что лишнее –вычеркните или задержите. Крепко целую тебя и сестер, С[ергею] Ф[ёдоровичу] и Мише привет.

Е[лена].

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6098. Л. 36-37 об.

№56

8/26-IV-1923 г.

Христос Воскресе! Милая тетя Надя!

В конце Фоминой недели выдалась мне минутка свободная и захотелось написать тебе, п[отому] ч[то] кроме своего здешнего гнезда некому мне написать. Не пойму, что происходит в Нижнем. Написала я туда в начале декабря: и письмо отправила заказное, и на денежном переводе писала - ни строчки в ответ, ни к Рождеству, ни к Новому году. Написала на 6-ой неделе несколько строк на денежном переводе, просила известить о получении – нет ответа и к Пасхе от мамы ни строчки. В середине Святой пришло письмо от Сони, без числа с сообщением, что она пишет, придя с регистрации, а недели через 1 ½ будет венчаться. Но когда будут эти 1 ½ недели, неясно. Обещает написать подробнее – и, конечно, не пишет. А от мамы ни звука. Соне писать - ни должности её, ни адреса не знаю. Маме - непонимание ее молчания. Что там у них? Нет ли у Вас известий? Думаю, что тебе мама должна была бы написать.

Головинская с[ельско]х[озийственная] артель переживает тяжёлые дни. Во вторник на Святой организована комиссия для вопроса о возможности ликвидации её. Была на месте в понедельник Фоминой. Как поглядели, что артель сильная, хозяйство хорошее и после долгих прений решено её оставить. На долго ли? До собора? До нового наказания? Не «Господня земля и утешение ея», «От Господа стопы человека устроятся» и «блажен ещё когда не косят» – все это держат в уме члены артели, а дух падает, слабеет, страх перед неизвестностью охватывает. Жалко насиженного гнезда, жалко строя жизни, страшно выходить на простор бушующего моря житейского, особенно теперь, когда оно так пенится безобразно и кощунственно. Страшно! Если бы теперь побольше спокойствия и покорности! Что-то Бог даст. Пока цепляемся и руками, и зубами за свой клочок земли, за свой угол. Кое-кто строит планы: разойдёмся по две – по три, наймём избушку в деревне, пристроимся при церкви сторожами. Но всё это планы ненадежные и, кажется, неосуществимые. Что-то Бог даст. И как не знаю, хотя медленно и робко, но вступает в свои права весна. Рядом со снегом чуть-чуть зеленеют молоденькие корешки, травки. Боря сделал скворечник, едва успел прикрепить его на березе – как уже въехал туда жилец и стал приспособливать его себе под именную квартиру. Поле просыхает, через неделю поедут пахать, сеять овес. В парниках уже посеяна рассада. Жаворонки так высоко-высоко вьются и поют. Только нет еще соловья, и лягушки в соседнем пруду ещё не проснулись. Как хороша природа, особенно весной. И как хочется любить эту родную кормилицу – землю. Так чувствуется, что отдохнула, отоспалась она зимой и с новыми силами готовится к трудному лету. Правда, Господня земля и исполнение её, вселенная и все, живущие на ней. Прости, тетенька, что заговорила о своих чувствах, может быть они и неосновательны. Передайте от меня поклон и поздравление Серг[ею] Ф[ёдоровичу] и Мише. Впрочем, последний, наверное, меня не помнит. Поцелуй сестер. С Вами ли Верочка? Где Коля? Есть ли сведения от Наденьки и её домочадцев?

Крепко целую тебя. Как твоё здоровье? И как вы все теперь живете?

Боюсь, не развращает ли тебя моя орфография, но на советской службе я так привыкла к ней, что писать по-прежнему потребовало бы большого напряжения внимания. А его-то у меня и нет: с Масляной и на Фоминую включительно одна комиссия сменяет другую, одно обследование идёт за другим, а у меня поездка за поездкой, страх за страхом, т[ак] ч[то] я вовсе истрепалась за это время. Скоро возьму на службе отпуск и надеюсь передохнуть. Работы очень много и всё прибавляется.

Простите. Елена.

Рада была бы получить письмо от Вас. Пишите счетоводу Головинского монастыря. Петровско-Разумовское.

ОР РНБ. Ф. 585. Оп.1. Ч. 4. Д. 6098. Л. 38-39 об.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Митрофанов В.В. «... найдешь ли ты в монастыре полное успокоение своей душе»: переписка Н.Н. Платоновой с племянницей Еленой (1908–1911 г.)//Культурный ландшафт регионов. 2023. №2. С. 56-97.
2. Митрофанов В.В. Повседневность учителя нижегородской гимназии в начале XX в. (по письмам С.Н. Шамониной к Н.Н. Платоновой)// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. №1 (69). С.247–259.
3. Пакшина Н.А. Нижегородский Мариинский институт благородных девиц в лицах: монография.Новосибирск: Академиздат. 2022. 416 с. С. 162.
4. Шамонина Е. Воспоминания о бабушке// Радость кроткого любящего духа: Монастыри и монашество в русской жизни начала XX века. Живые голова эпохи. М.: ЭКСМО : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2017. С. 40 -59.
5. Платонова Н.Н. Дневник (1889–1921/Рук. проекта А.Н. Цамутали. Рязань. 2020. 881 с.
6. Описание Казанского Головинского общежительного женского монастыря, находящегося в Московском уезде, составленное в 1889 г. протоиереем церкви святителя Стефана, епископа Пермского, что при Первой Московской гимназии, Аристархом Израилевым. М.: тип. Л. И А. Снегирёвых. 1889. 65 с.
7. Д.В. Казанский Головинский общежительный женский монастырь : (По поводу 25-летия со дня учреждения общежит. обители 1886–1911 г.). М.: Рус. печ., 1911. 23 с.
8. Лёвушкин В. А. Казанский Головинский общежительный женский монастырь. М.: Духовная нива. 2022. 544 с.
9. Митрофанов В.В. «О Москве пока ни слуху, ни духу»: главная мечта Н.Н. Шамонина (вступ. ст. публик., коммент.)// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. №1 (65). С. 166–178.
10. Лекции по русской истории профессора С.Ф. Платонова, читанные на Тверских церковно-археологических курсах 28-30 мая 1912 г.: [По зап. свящ. Л. Крылова]. Тверь: Типо-лит. Н.М. Родионова, преемник М.В. Блинов, 1913. 47 с.
11. Митрофанов В.В. «Да воздаст Вам милосердный Господь сторицею за все то добро, которое сделано Вами...»: переписка С.Ф. Платонова с настоятельницей Волго-Верховского Ольгинского монастыря игуменьей Верой// Третьи Ильинские архивные чтения : сб. ст. Тверь: ООО «СФК-офмс», 2017. С. 60–108.

12. Митрофанов В.В. «Эта удивительная власть Волговерховья над моим сердцем...»: письма Л.А. Михайловой С.Ф. Платонову// *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2017. № 1. С. 176–196.
13. Гачева А.Г. Филология на службе философии: Опыт анализа «Трёх разговоров» Владимира Соловьёва//Соловьёвские исследования. 2010. №2. С. 58–82.
14. Худобородов А.Л., Яшина М.А. Репрессивная политика советского государства в отношении Русской православной церкви (1920–1930-е гг.)//Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2011. №30 (247). С. 61–65.
15. Орлов И.Б. Советское государство и Церковь в 1920-е годы: проблемы и перспективы сотрудничества // Эпоха князя Владимира и развитие Российской государственности: мат-лы всерос. науч.-практич. конф.26 июня 2015 года, г. Ярославль / Под. ред. Ю.Ю. Иерусалимского. Ярославль, 2016. С. 420–436.
16. Митрофанов В.В. Ольгинский монастырь на Волговерховье в период революционных потрясений (по эпистолярным источникам)// Четвертые Ильинские архивные чтения: сб. ст. Тверь: ООО «СФК-офис». 2018. С. 71–103.
17. Правда. 1927. № 78.
18. Известия. 1923. 17 апреля.

REFERENCES

1. Mitrofanov V.V. «... najdesh` li ty` v monasty`re polnoe uspokoenie svoej dushe»: perepiska N.N. Platonovoj s plemyannicej Elenoj (1908–1911 g.) ["... will you find complete peace of mind in the monastery": correspondence of N.N. Platónova with her niece Elena (1908-1911)]. *Kul`turny`j landshaft regionov = Cultural landscape of the regions*. 2023, no 2, pp. 56-97. (In Russia).
2. Mitrofanov V.V. Povsednevnost` uchitelya nizhegorodskoj gimnazii v nachale XX v. (po pis`mam S.N. Shamoninoj k N.N. Platonovoj) [Everyday life of a Nizhny Novgorod gymnasium teacher at the beginning of the twentieth century (according to letters from S.N. Shamonina to N.N. Platónova)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social`ny`e nauki = Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*. 2023, no 1 (69), pp.247–259.
3. Pakshina N.A. Nizhegorodskij Mariinskij institut blagorodny`x devicz v liczax: monografiya [Nizhny Novgorod Mariinsky Institute of Noble Maidens in faces: monograph].Novosibirsk: Akademizdat. 2022. 416 s. P. 162.

4. Shamonina E. Vospominaniya o batyushke [Memories of the priest]. Radost' krotkogo lyubyashhego duxa: Monasty`ri i monashestvo v russkoj zhizni nachala XX veka. Zhivy'e golova e`poxi. [The joy of a gentle loving spirit: Monasteries and monasticism in Russian life at the beginning of the XX century. The living head of the era]. Moscow: E`KSMO : Pravoslavny`j Svyato-Tixonovskij gumanitarny`j universitet, 2017, pp. 40 -59.
5. Platonova N.N. Dnevnik (1889–1921). ruk. proekta A.N. Camutali [Platonova N.N. Diary (1889–1921). hand. project A.N. Tsamutali]. Ryazan'. 2020. 881 p. (In Russ).
6. Opisanie Kazanskogo Golovinskogo obshhezhitel`nogo zhenskogo monasty`rya, naxodyashhegosya v Moskovskom uезде, sostavlennoe v 1889 g. protoiereem cerkvi svyatitelya Stefana, episkopa Permskogo, chto pri Pervoj Moskovskoj gimnazii, Aristarxom Izrailevy`m [Description of the Kazan Golovinsky Cenobitic convent, located in the Moscow district, compiled in 1889 by the archpriest of the Church of St. Stephen, Bishop of Perm, at the First Moscow Gymnasium, Aristarchus of Israel]. Moscow: tip. L. I A. Snegiryovy`x. 1889. 65 p.
7. D.V. Kazanskij Golovinskij obshhezhitel`ny`j zhenskij monasty`r` : (Po povodu 25-letiya so dnya uchrezhdeniya obshhezhit. obiteli 1886–1911 g.) [Kazan Golovinsky Cenobitic Convent : (On the occasion of the 25th anniversary of the establishment of the cenobite. monasteries of 1886-1911)]. Moscow: Rus. pech., 1911. 23 p.
8. Lyovushkin V. A. Kazanskij Golovinskij obshhezhitel`ny`j zhenskij monasty`r` [Kazan Golovinsky Cenobitic Women 's Monastery]. Moscow: Duxovnaya niva. 2022. 544 p.
9. Mitrofanov V. V. «O Moskve poka ni sluxu, ni duxu»: glavnaya mechta N.N. Shamonina [“There is no rumor or spirit about Moscow yet”: the main dream of N.N. Shamonin]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Social`ny`e nauki = Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences 2022, no.1(65), pp. 166–178. (In Russ).
10. Lekcii po russkoj istorii professora S.F. Platonova, chitanny`e na Tverskix cerkovno-arxeologicheskix kursax 28-30 maya 1912 g.: [Po zap. svyashh. L. Kry`lova] [Lectures on Russian history by Professor S.F. Platonov, delivered at the Tver Church-Archaeological courses on May 28-30, 1912: [According to the note of the priest L. Krylov]]. Tver` : Tipo-lit. N.M. Rodionova, preemnik M.V. Blinov, 1913. 47 p.
11. Mitrofanov V.V. «Da vzdast Vam miloserdny`j Gospod` storiceyu za vse to dobro, kotoroe sdelano Vami...»: perepiska S.F. Platonova s nastoyatel`nicej

- Volgo-Verxovskogo Ol'ginskogo monasty`rya igumen`ej Veroj ["May the merciful Lord reward you a hundredfold for all the good that you have done...": correspondence of S.F. Platonov with Abbess of the Volga-Verkhovsky Olginsky Monastery Abbess Vera]. *Tret'i Il'inskie arxivny'e chteniya : sb. st.* [The Third Ilyinsky archival readings : sat. art.]. Tver': OOO «SFK-ofms», 2017, pp. 60–108.
12. Mitrofanov V.V. «E`ta udivitel'naya vlast' Velgoverxov`ya nad moim serdcem...»: pis'ma L.A. Mixajlovoj S.F. Platonovu ["This amazing power of the Velgoverhovya over my heart...": letters of L.A. Mikhailova to S.F. Platonov]. *Magistra Vitae: e`lektronny`j zhurnal po istoricheskim naukam i arxeologii = Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archeology.* 2017, no 1, pp. 176–196.
 13. Gacheva A.G. Filologiya na sluzhbe filosofii: Opy`t analiza «Tryox razgovorov» Vladimira Solov`yova [Philology in the service of Philosophy: The experience of analyzing Vladimir Solovyov's "Three Conversations"]. *Solov`yovskie issledovaniya = Solovyov studies.* 2010, no 2, pp. 58–82.
 14. Xudoborodov A.L., Yashina M.A. Repressivnaya politika sovetskogo gosudarstva v otnoshenii Russkoj pravoslavnoj cerkvi (1920–1930-e gg.) [Репрессивная политика советского государства в отношении Русской православной церкви (1920–1930-е гг.)]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the South Ural State University.* 2011, no 30 (247), pp. 61–65.
 15. Orlov I.B. Sovetskoe gosudarstvo i Cerkov' v 1920-e gody`: problemy` i perspektivy` sotrudnichestva [The Soviet State and the Church in the 1920s: problems and prospects of cooperation]. *E`poxa knyazya Vladimira i razvitie Rossijskoj gosudarstvennosti: mat-ly` vseros. nauch.-praktich. konf.26 iyunya 2015 goda, g. Yaroslavl`* [The Era of Prince Vladimir and the development of Russian statehood: materials of the All-Russian Scientific and Practical conference on June 26, 2015, Yaroslavl]. Pod. red. Yu.Yu. Ierusalimskogo. Yaroslavl', 2016, pp. 420–436.
 16. Mitrofanov V.V. Ol'ginskij monasty`r' na Volgoverxov`e v period revolyucionny`x potryasenij (po e`pistoljarny`m istochnikam) [Olginsky Monastery on the Volga region during the period of revolutionary upheavals (according to epistolary sources)]. *Chetverty`e Il'inskie arxivny'e chteniya: sb. st.* [Fourth Ilyinsky archival readings: sat. art.]. Tver': OOO «SFK-ofis». 2018. P. 71–103.
 17. Pravda [Truth]. 1927, no 78.
 18. Izvestiya [News.]. 1923. 17 aprelya.

Информация об авторе: Митрофанов Виктор Владимирович, д-р ист. наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин АНО ВО «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС»

Санкт-Петербург, Россия, Галерный проезд, 3

ORCID iD: 0000-0003-2094-6883

e-mail: viktor-n1962@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Mitrofanov Viktor V., Doctor in History, Professor, Department of state and legal disciplines, ANO VO University at the Inter Parliamentary Assembly of the EurAsEC. Galerny proezd, 3, Saint

Peetersburg, 196226. Saint Peetersburg, Russian Federation

ORCID iD: 0000-0003-2094-6883

e-mail: viktor-n1962@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 07.06.2023

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 12.07.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.07.2023

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests.

© Митрофанов В.В. 2023

© «Культурный ландшафт регионов». 2023